

«ОБРАЗ»

ЛИТЕРАТУРНЫЙ АЛЬМАНАХ
№3(7) 2015 г.

Кемерово
Офсет
2015

«ОБРАЗ»
литературный альманах
№3(7) 2015г.

Кемерово
Офсет
2015

Содержание:

Проза

Ирина Надирова	3
Анна Бровко	23
Анна Самойлова	49
Ольга Исупова	68
Агата Рыжова	79

Поэзия

Ольга Хапилова	9
Марина Трофимова	15
Леонид Крючков	18
Константин Стафиевский	34
Юлия Сычёва	39
Людмила Иванова	44
Наталья Борисова	53
Тихон Синицын	59
Олег Кличанин	64
Михаил Корюков	73

Ирина Надирова
г. Ленинск-Кузнецкий

Надирова Ирина. Родилась 22 ноября 1984 года в городе Ленинск – Кузнецкий. Закончила школу № 19. Золотое перо фестиваля поэзии имени Алексея Бельмасова за 2015 год. Победитель конкурса «Образ», посвящённый Дню Космонавтики, и победитель конкурса им. Н.И. Попова за 2014 год. Печаталась в журнале «После 12», в альманахах «Кольчугинская осень», «Образ». Участница литературного цеха «Образ», литературного объединения «ЛИК». Проживает в г. Ленинск-Кузнецкий.

Темнота

Когда Машка была маленькой, она не знала, что темнота у детей имеет разновидность. Она, может быть от безобидной плюшевой игрушки, до страшно пугающих размеров дракона.

– А давай-ка, пройдемся по домам, и расспросим у детей, какая может быть темнота? – сказала за ужином Машка своему младшему брату Стёпке.

Завтра только родители уйдут на работу, и мы с тобой Степка отправимся в путешествие изучать темноту. Будем исследователями.

У Стёпки неожиданно загорелись глаза, он стал ёрзать на стуле.

– Да! – взвизгнул Стёпка. – Я согласен.

Степке понравилась идея, и он согласился взять с собой инструменты, блокнот, фонарь, ножик.

– А зачем ножик? – спросила Машка, не, понимая, чего он боится?

Машка то наверняка знала, что как объект темнота не существует.

– Чтобы отпугивать тень, – гордо сказал Стёпка.

– А еще надо взять деньги из копилки.

– Зачем? – удивленно посмотрела Машка на Стёпку.

– А вдруг кто-то из детей откажется бесплатно делиться информацией. Но мы, же жертвуем деньгами, которые копили на новый год. Правда, же?

Машка заулыбалась, что её брат оказывается не такой уж потерянный, а с ним уже вполне можно идти в разведку, подумала про себя Машка.

– Что касается еды, то я все продумала, я приготовлю бутерброды.

Настало долгожданное утро, родители ушли на работу. Дети спустились вниз, собрали ранец. Сестра приготовила бутерброды.

– Всё выходим пора.

Дети пошли сначала по знакомым.

– Начнем с Петьки, – сказала Машка.

– Почему с него? – удивленно Степка смотрел на сестру.

– Но ты, же знаешь, он в школе тихоня, забитый, а значит, уж точно боится темноты.

– Ну да, – ответил Стёпка, как будто он это и без Машки знал.

Сестра с братом умирали от смеха, когда узнали, что Петьку закрывали родители в чулане, когда он не слушался их. А Петька, после мстил младшему брату Мишке, закрывая его в туалете. Выключал ему свет. А еще ходил и истошно вопил, повторяя как попугай:

– Я пришел за тобой, сейчас темнота начнет тебя есть.

Петька друзьям не смог толком описать, какая она темнота. И только, заикаясь, повторял:

– Там тяжело и нечем дышать.

Вечером Петька набрал в спичечный коробок тараканов, чтобы напугать Мишку. Он решил, что случая с туалетом мало.

Потому, что брат эксплуатировал Петьку. Заставляя выносить мусор, ходить за хлебом, а еще издевался на улице, дав ему кличку Малой. А Петька с такой кличкой не хотел мириться. Почему родители верили Мишке, что он еще маленький, что ему рано выносить мусор? Когда родителей рядом не было, Петька всегда дразнил Мишку «Маменькин сыночек». Тогда, Мишка с маленькими кулачками нападал на Петьку и со злостью орал:

— Дурак, сам ты маменькин сыночек.

Он хлюпал носом и уходил в свою комнату.

Во сне над Петькой кружили пчелы, ему казалось, что он цветок, на который сейчас сядут эти жужжащие твари, и высосут из него мозг. Тогда он просыпался и начинал орать.

Родители оставляли в комнате Петьки, включенный ночник, думая, что он боится темноты. Но он думал, что ночник включают для младшего брата.

Было раннее утро. Солнце пробиралось своими руками в окно и здоровалось лично со Степкой. Так он всегда рассказывал Машке, и повторял:

— Просто я дитя солнца, меня темнота боится. Нас индиго детей не так уж и много.

Машка всегда знала, что Стёпке рано смотреть телевизор, а тем более такие передачи как «Совершенно секретно».

Дорога была знакома, дети направлялись к Косте Игорову. Ему было 14 лет, он уж точно знает, что такое темнота и как с ней бороться.

— Главное это вовремя эвакуироваться, если наступит общая темнота и вовремя обеспечить себя едой. Так как питание будет отключено, то надо найти, что заменит свет.

Костя, говорил на каком-то непонятном языке для детей.

— Не много мы разузнали о темноте, — сказала Машка, с какой-то досадой в голосе.

– Может, нам обратится за помощью к родителям? – сказала Машка.

– Нет, это тайна, а тайны взрослым знать нельзя. Неужели ты не знаешь, что бывает? – прокричал Стёпка. – Вовка рассказал мне, что лучше в темноту стрелять из рогатки, тогда она рассеется, как птицы, в которых он сегодня стрелял.

Машка слушала бред Стёпки и не стала делать никаких записей.

– Нет, это не то. Пойдем отсюда, мы только зря теряем время.

И вот Машке приснился сон. Темнота решила Машке помочь и рассказать о себе.

– Почему тебя боятся?

– Меня не боятся, в основном, когда я царствую, на земле люди спят. Так устроена земля, что ночью надо спать.

– Но почему тебя боятся дети?

– Не все, а только те, кому не хватает любви, ну или закомплексованные дети. У них просто развито воображение, и они сами рисуют себе картинки ужаса. Просто так они заполняют пустоту, потому, что одиночество для них еще страшней, чем темнота. Они не столь боятся, сколь ее притягивают. Мозг исполняет их желание. Коллективный разум может создать страх перед темнотой, а люди попасть под влияние, и тогда происходят какие то события на определенном участке, например, коллективное убийство, или что-то наподобие. Ну, или если ребёнка сглазили, тогда он тоже боится темноты и плачет. А вообще вашими эмоциями питаются паразиты.

– Какие еще паразиты?

– Вам их не видно, но они любят питаться отрицательной энергией. Человек её выделяет, когда злится.

Еще много что рассказала про себя темнота.

Машка понимала, что не столь страшен черт, сколь его малюют.

Дети рассказали родителям про свое исследование. Родители долго смеялись, но были рады, что их детки самостоятельные, и уже вполне могут, отправится вместе с взрослыми в путешествие. Родители сообщили им хорошую новость, что они купили билеты на посещение пещеры, и погружение на дно моря, где затоплен корабль. Но город, в котором побывают дети, остался тайной.

Вот так они сами, погрузившись в темноту, узнают, что она это еще и интересное познание прошлых историй. В пещере на стенке были камнем нацарапаны рисунки животных и птиц. Вот он коллективный разум, который заставлял рисовать наших предков на скалах, чтобы оставить сообщение своим детям об опасности.

Легенда утверждает, что темноту создали шаманы, — пещера стала экскурсовод.

Темнота — это голография нашего дома, откуда мы все рождаемся, — сказал малыш, который отстал от родителей.

А на скалах осталась информация о том, что мы должны дружить с темнотой. Потому что мы зависим от темноты. — продолжил свою речь маленький турист.

Экскурсовод смотрел на малыша удивленно, но тут подошли его родители и взяли его на руки.

— Всё рождалось из темноты даже звёзды, а до нас доходит только их свет. Жаль, что нам простым зрением нельзя увидеть их. — сказала Машка, любуясь на звездное небо.

— Папа, а кто кормит темноту?

— А ты не знала? Сейчас я расскажу тебе. Звезды своим млечным соком вскармливают небо. А небо не может баюкать чужое дитя. Значит темнота — это дочь неба. Да только через свет ты узнаешь о темноте. Выключая свет, наступает тьма. Но мы не боимся её. Закрой глаза, что ты видишь?

— Темно, — сказала Маша.

— Темнота бывает разная но, пока тебе об этом знать рано.

Теперь Машке и Стёпке совсем не было страшно оставаться одним в темноте, они даже нашли себе милое занятие. Учились видеть друг друга, как кошки.

«Темнота в комнате не страшна, страшнее темнота знаний». «Человек должен идти и познавать, а иначе он тёмный человек». Так сказал, один из великих философов – Стёпка.

Утро встретило детей радостно, солнце протягивало свои лучи и как бы манило их к себе.

Стёпка вышел из палатки первый, чтобы набрать на берегу моря ракушек.

Он приложил одну из них к уху и ему послышался интересный гул, который перерастал в шум, напоминающий прибой.

Как будто в самой ракушке поселилось море.
– Не укутывай меня мистическим туманом, я всё равно проросту под солнцем, когда небо будет дышать им, и подставлять бока облаков под загар солнца.

Стёпка побежал к Машке, чтобы поделиться с ней открытием. Что он сейчас слышал голос ракушки.

– Машка, смотри, я нашёл ракушку, в которой море...

Он не успел договорить, как Машка отодвинула его в сторону и сказала:

– Стёпка, хватит открытий, пошли купаться.

И они вместе побежали по краю берега, волны омывали их ноги, а песок застревал между пальцев и щекотал.

– Догоняй меня Стёпка.

Детство – это период времени, который в будущем тоже будет накрыт темнотой. И не каждый взрослый сможет помнить четко свое детство, многие моменты темнота сотрет, как ластиком. Но дети ещё об этом не знали, и наслаждались моментом здесь и сейчас.

Ольга Сергеевна Хапилова. Родилась 14 июля 1981 года в пгт. Темир-Тау Таштагольского района Кемеровской области. Работает фельдшером-лаборантом участковой больницы. Стихи пишет с 1996 года, публиковалась в областной и районной периодике, альманахах, журнале «Огни Кузбасса». Автор сборника стихов «Молодое вино». Соавтор сборников «Пятёрочка. Поэзия России», «Вечные чувства в стихах современных поэтов», «Поэтическое трио» выпуск №2. Победитель Всероссийского фестиваля поэзии им. Алексея Бельмасова за 2015 год.

Ольга Хапилова
Пгт Темир-Тау

Хлебозоры

Ночь. Цикады звенят в травяной кузне.
Облепили столбы фонарей совки.
Чёрной глыбой вдали, горизонт сузив,
Выпирают на юг из земли сопки.

В тёмных пихтах тревожно кричат жёлны.
Разорвав в небесах полотно в клочья,
Загорится просвет молодым жёлтым,
Будто солнце оттуда встаёт ночью.

Остаётся мудрёным словам верить:
Хлебозоры парят облаков выше,
Будто кто-то на миг распахнул двери –
И алтайскую рожь наяву вижу.

До неё, до родимой – в пыли вёрсты;
Ястреб-птица и тот долетит редко.
И, каким ни казалось сухим, чёрствым,
Откликается сердце на зов предков.

Словно в Китеже, вечном святом граде,
Продолжается жизнь там своим ходом;
И хотя их покинул ещё прадед,
Снится, будто и я с этих мест родом.

Тепло. Уютная кровать.
Ватрушки с пыла...
Мы как-то склонны забывать –
Но это было.
И нас делили в веке том
По цвету, расе.
Война. Берлин. Четвёртый дом,
Тиргартенштрассе.
В суровой памяти тот след
Ещё не стёртый -
Спустя каких-то сорок лет
Я помню твёрдо.
Во снах теперь ещё кричу,
Кровь в жилах стынет.
Ты только вдумайся чуть-чуть,
Живущий ныне!
Откуда в головы проник
С иным до кучи
Нечеловеческий инстинкт
Губить и мучить?!
Сжимаю гневно, чёрт возьми,
Кулак до боли:
О мир, о наш гуманный мир -
Как ты позволил?!

А мне без роду, без имён
Кричат: "Не верьте!"
Но помню памятью времён
Конвейер смерти.
И как стояли печи в ряд
На самом деле...
Но кое-где они дымят
Ещё доселе.

Август

Пусть и Млечным Путём колесил-шёл ты,
Умирать упадёшь на крыльца лавку.
Вот с берёзы летит первый лист жёлтый,
А за мокрым окном – не сентябрь – август.

Каждый грезил остаться всегда в теме
И себя уверял, что ещё нужен;
Но песком через пальцы скользит время.
Да какой там песок - и того хуже!

И ещё не сидит детвора в классе,
Но, сорвавшись на землю с вершин склона,
Так запуталась радуга, лист крася,
Будто в неводе щука, в ветвях клёна.

Вряд ли сбудется то, чего ждёшь очень -
Неуклюжая, вновь распластав рану,
Вместо важного - просто придёт осень.
И придёт в этот год, по всему, рано.

Белый халат

В день, в который – не верю, но всё же – умру
(Допускаемо за постулат),
Обрядите меня в позабытый убрис
И в оплётанный белый халат.

Да отправлюсь туда, где склоняются ниц
У Престола в конце всех концов;
И не надо с одеждой такой багряниц,
Ни крестов, ни терновых венцов:

Так и слышен вдогонку в последние дни
(Впрочем, что ж, предсказуем, не нов)
"Медицину - ату! Медицину - распни!" -
Дикий ор подсадных крикунов.

А зеваки скоры на расправу и суд,
И какой-нибудь новый Пилат
Опускает персты в позлащённый сосуд...
О, наденьте мне белый халат!

Пусть беснуется мир, неприкаян и слеп,
И рука власть имущих ловка;
Но до неба за мною потянется след
Кровоточащей язвы плевка!

Надавила тоска мерзкой жабой-грудницей,
И слова в оправданье истратила все я:
Бог ты мой, как же нас отучают родниться,
Прямо в сердце волчцы недоверия сея!

Я почти что смирилась с инстинктами стаи
И с волками бок о бок по-волчьею вою -
А колочки наружу уже прорастают,
По-ежиному пряча меня с головою.

Не услышишь птиц, затаились звери.
Мы в плену живём у надежды хрупкой -
В снегостав, как в смерть, до конца не верим,
Ну и что, что дождик посыпал крупкой.

Так и смотришь: в небе — грачи и просо.
Улететь подальше стремится стая.
Пусть летит, нас здесь малодушно бросив —
Этот снег не ляжет, ещё растает.

Не коснулось — значит, не вор, не пойман;
Хоть земля под нами взбугрится и тресни.
Сколько рядом выпало из обоймы,
И уже который по счёту сверстник!

Мы идём неспешно, читаем строки,
Только сердце бьётся невыносимо.
На погосте голом снуют сороки —
Эти с нами вечно уходят в зиму.

Алтай

Вновь душа воспарила под свод голубого шатра,
Выше хвойных вершин, выше хриплого птичьего грая –
Это кровная память во сне догоняет ветра,
Веселящие хлеб в белых нивах Алтайского края.

Всё по тем же дорогам кивают вослед ковыли,
И тяжёлое облако вечно клубится в прицепе,
Где давнишние предки тонули в горячей пыли,
Намотав на запястья литые кандалные цепи.

О, мой тучный Алтай, словно пёстрое стадо коров!
Зазвенит колокольчик, манящий, залиvistый, ранний –
И останется сердце меж сёл в девяносто дворов,
Удивительно русских, простых и хороших названий.

Мой далёкий Алтай, мы покуда с тобою на «Вы»,
Но ты вспомнишь меня, ты узнаешь, конечно, взгляни-ка!
И почудится, будто, дыханье медвяной травы,
И средь ночи подушка пахнёт молоком с земляникой.

Марина Владимировна Трофимова родилась 6 ноября 1976г. Родилась, училась, работала и живет в городе Ленинске-Кузнецком. В 1998г. окончила Новокузнецкий государственный педагогический институт. Замужем. Мама трех сыновей. Работает корреспондентом в МБУ "Польсаевский пресс-центр". Пишет стихи с семи лет. Публиковалась в альманахах литературной группы «Парус», в альманахе «Кольчугинская осень». Участница литературных групп «Парус» и «Прометей».

Марина Трофимова
г. Ленинск-Кузнецкий

Повзрослел

Плачет мама радости не пряча:
"Сын большой... Давно ли стал таким?.."
В первый класс идет сегодня мальчик
Взрослым, изменившимся... Другим.

Стрелки отутюжены на брюках.
Наглухо застегнут пиджачок....
Он еще румяный и упругий,
Но уже не мальчик – мужичок...

Только взгляд испуганный не спрятать
Потянулась взрослой жизни нить. –
...Я еще сильнее буду плакать,
Как придет пора его женить...

Поздним часом на дворе падал снег.
Шел по улице один человек,
Оставляя на асфальте следы:
В этот час недалеко до беды!

Но беде его уже не догнать:
Человека ждут тепло и кровать,
И котенок ждет его озорной –
Он не может не вернуться домой.

А к утру все замело как всегда.
Не осталось от следов ни следа.
Только знаю я: и в ливень, и в снег –
Снова ночью здесь пройдет человек.

Не скоро будете вы вместе:
Под старость будете вы вместе.
Тогда и будете вы вместе –
В морщинах старое лицо.

Но Вы подарите невесте?
Вы правда купите невесте?
Но Вы оденете невесте
На палец новое кольцо?

У Вас уже большие дети.
И у неё большие дети.
И у детей большие дети -
Все вас придут благословить.

Тогда никто на этом свете,
Никто на этом белом свете,
В огромном этом белом свете
Вас не сумеет разлучить...

О, Терсь!
Твои прозрачны воды!
Течение быстрое несет
Под многовековые своды
Покой, надежду и почет...
И невозможно не влюбиться
В твой хоровод лесистых гор!
Мне часто ночью будут сниться
Любовь, свобода и простор!..

Открыты вселенные,
Другие миры –
А пустыне по-прежнему
не уйти от жары:
Ни куста запыленного,
Ни скамьи отдохнуть.
...По песку раскаленному
продолжаю свой путь...

Пуст почтовый ящик.
Тишина за дверью.
Мне твердят: "Обманщик".
Только я не верю.

Говорят: "Не любит.
И пусты надежды".
Только знаю: будет
Все, как было прежде.

Я, как неизбежность,
Буду чувства мерить.
И вернется нежность.
...Нужно только верить.

Леонид Крючков. Родился 3 марта 1956 года в г. Гурьевске. С 1962 г. и по настоящее время проживает в поселке Бачатском. Работает на «Бачатском угольном разрезе» заместителем директора по ОТ и ПБ. Выпустил два сборника стихов «Рубежи» и «Слово»

Леонид Крючков
п. Бачатский

Последний пароход

*Белой эмиграции
Посвящается*

Над волною крик печали
вслед летел за кораблём.
Чайки белые кричали,
волю черпая крылом.

В пене вод ловя удачу,
сторожа добычи миг,
отдавали им на сдачу
птичьих душ печальный крик.

Чайки, в путь не торопите!..
Покидают отчий дом.
Пароходике машите
милой Родины крылом...

Вдаль от пирса отплывали
корабли в туманный путь.

Крики чаек провожали:
«Возвратись, когда-нибудь...».

Ледоход на Томи

Укрывши солнышко ладонью,
взгляд, бросив вдаль, вперёд, вперёд...
Я на яру стою над Томью,
а по реке сплавляют лёд.

Весенний паводок, как сплавщик,
когтистым солнечным багром
ледовый плот с верховий тащит,
летит тайгою грозный гром.

Рвут сухожилия мая дыбы,
ломаю талым льдам хребты,
о скалы грудью бьются глыбы,
раскрыв в гортанном крике рты.

Мелькают огненные осы...
Прощай деньков студеных сон!
И в вальсе Штрауса торосы,
кружат стремнине в унисон.

Тальник прибрежный в грунт, вминая,
круша стволы гнилых берёз,
до крови мышцы раздирая,
прорвались льды на тихий плёс...

Весна событиями богата,
отправив к устью ледоход,
вслед гроздья алого заката
бросала в пену шальных вод.

Токовая

Виктору Коврижных

Окна, забитые досками.
Реченька с быстрой водой.
Та деревенька неброская
скромно звалась Токовой.

Жизнь и простая, и сложная...
Старой «берданки» цевьё...
Мудрость таилась таежная
в имени тихом её.

Сочные травы на пастбище,
полные утренних рос.
В рощице тихое кладбище,
пристань покоя и слез.

Про токовище то «птичье»
ведал ивовый плетень.
Были покой и величие
в жизни глухих деревень.

Девушки с русыми косами.
Песня любви глухаря.
И над столетними соснами
алой полоской заря.

Время на улицы торные
не пожалело мехов.
И одарило просторные
шубой из трав, лопухов.

Поступь событий могучая
твоей поломала хребёт.

Высохла ива плакучая.
Ряской подернулся брод.

Только таежная странница,
речка бормочет: «Бегу...».
Лентой извилистой тянется
сквозь Черновую тайгу.

Дождик детства

Дождь стучит о подоконник.
Звук тревожит, не заснуть.
Может быть хромой разбойник
хочет в окна заглянуть?

Укрываясь за портьерой,
я взгляделся в тёмный лик.
Там к окошку веткой белой
куст черемухи преник.

Целомудренно-прекрасный...
В запотевшее стекло
бьётся мокрый... Стало ясно
ветка просится в тепло.

Бродит дождь по чёрным лужам,
хмуро, сгорбившись во тьме.
Без шарфа, зонта, простужен...
Стало жалко дождик мне.

Распахнул я в ночь окошко
Ветка, дождик, заходи!
Тьмы ластящая кошка
замурчала на груди.

По стеклу танцуют цапли
под мазурку струнок-струй.
На губах дождинок капли,
благодарный поцелуй.

Дождь из ниточек струй...

Ольге

Дождь из ниточек струй
ткет серебряный плед.
Первый мой поцелуй,
губ любимых ответ.

Рук стеснительных жар,
двух галактик полёт.
Встреч, свиданий пожар,
расставания лёд.

След дождя или слез?
Свет улыбки твоей.
Танец страсти и грёз –
болеро фонарей.

Мы в обнимку с дождем
по проспекту бежим.
Хорошо нам втроем
и от счастья молчим...

Дождь шепнул: «Позови!»
На прощанье в ночи.
И к шкатулке любви
отыскал я ключи.

Бровко Анна Анатольевна. Родилась 21 марта 1986 года в г. Барнауле, замужем, двое сыновей.

С декабря 2013 года участница Клуба любителей фантастики города Б. На первый день рождения Клуба был издан журнал, где была напечатана первая публикация – рассказа «Рассвет». Через полгода вышел второй номер журнала и второй рассказ «Бабушкино наследство». Живёт в городе Барнауле.

Анна Бровко
г. Барнаул

Бабушкино наследство

Июньским утром две девушки вышли из рейсового автобуса и отправились по улице на другой конец деревни.

Когда-то, в далеком детстве, они каждое лето шли пешком от остановки до дома бабушки Веры. С рюкзаками, корзинами городских гостинцев и парой книжек по школьной программе – торопились поспеть на горячие блинчики.

Теперь же, когда одной исполнилось двадцать два года, а другой - двадцать, они вновь шли по знакомой дороге, поглядывая то на стайку гусей, щиплющих травку, то на кур, бегающих у ворот, то на пасущихся коз, то на просвещающего в телеге сельчанина...

– Все! Дальше идти не могу! – сказала Рая, старшая из сестер, и остановилась посередине дороги.

– А я говорила, что твои шпильки тут не к месту. В деревню, не на вечеринку же приехала!

– Все-то ты знаешь, Вика! Ох! Ладно, пошли!

Рая была выше сестры на голову. К тому же, туфли на шпильках и короткая обтягивающая юбка еще сильнее стройнили её. Кудрявые, подстриженные по плечи, рыжие волосы непослушно торчали. Глаза были подведены и губы ярко накрашены.

Вика же, в противоположность старшей сестре, краситься не любила. Темные, почти черные волосы – бабушкино «наследство» – она заплетала в косу. Шла легкой походкой в брючках и туфельках-балетках и подшучивала над нелепым для поездки в деревню нарядом сестры.

Когда Рая в очередной раз споткнулась, Вика разулась и протянула сестре туфельки:

– Снимай свои копыта, пока ноги не переломала!

– А ты?

– Я босиком пройду. Полезно, – и пошла вперед, наслаждаясь прохладой земли и травы.

Бревенчатый дом бабушки Веры выглядел осиротевшим, серым. Окна были закрыты ставнями. Палисадник, обычно пестревший цветами, пустел. Покосившаяся калитка открылась с трудом, прочертив на земле дугу. Во дворе, сквозь толстый слой прошлогодних листьев пробивалась зелёная трава.

Вика подошла к крыльцу и наклонилась взять ключи из потайного места, да вспомнила, что связку уже давно родители забрали в город, и теперь она лежит в сумке у сестры.

– Рая, открывай.

Замок поддался не сразу. Дверь заскрипела.

Как же хотелось, чтобы из кухни донесся аромат свеженьких блинчиков и пирожков из русской печи, а навстречу вышла бабушка... Но вместо этого в нос ударил спертый запах застоявшегося воздуха, неприятливо

встретил полумрак комнат. Уже год, как бабушки Веры не было...

Девушки прошли в комнату, открыли ставни и окна. Предстояло прибраться и всё сфотографировать – родители выставляли дом на продажу. Им, городским, в деревне делать нечего, а дочери-студентки, тем более, туда не поедут. К тому же, есть дачный участок в пригороде. Зачем теперь, когда нет бабушки Веры, ездить в такую даль?!

Переодевшись, сестры взялись за работу. Вынесли на улицу подушки и матрасы. Боялись, что водопровод не работает, вдруг перемерз за зиму. Но вода из крана побежала, вначале ржавая, а потом чистая. Постирали постельное белье, благо, пять лет назад родители купили бабушке в подарок машинку-автомат.

Уборка растянулась на весь день. К вечеру, уставшие и распаренные после бани, девушки собрались ужинать.

– Райка! Чего ты там копаешься? – крикнула Вика сестре.
– А я уже пришла. Вот! Твое любимое, бабушка ставила! – Рая водрузила на стол бутылку смородинового вина.
– Ты где ее взяла?
– В погребе. Там еще было малиновое... Может, его?
– Не надо. Давай, садись, картошка остынет...
– Не успеет, - сказала Рая, наливая вино в стаканы. – Ну! За нас, красивых!

Старшая сестра выпила все за раз, Вика же только пригубила. Бабушкино вино она любила смаковать.

Девушки ужинали молча, каждая думала о своем...
– Ох! Хорошо было! – вдруг сказала Рая. – Помнишь, как мы вечером через окно вылазили, чтобы на Ивана Купалу нагишом искупаться? Вот бы повторить!

– Ни за что! – Вика передернулась, вспомнив, как крались они через деревню в полной темноте, а потом еще на соседского мальчишку наткнулись. – Слушай, давай спать. Поздно уже.

– Так, за любовь выпьем и пойдем! – ответила Рая.

Вика долго не могла уснуть. Девушка очень скучала по деревенскому дому, по проведенному в нем детству, по бабушкиным советам. Теперь она снова на любимой кровати с периной, Рая спит в той же комнате... Но они впервые в доме одни.

В подполье что-то зашуршало, за окном – застучало. Потом стихло, а потом звуки повторились, но уже на крыше.

Вика укрылась с головой. Вспомнила, как ее успокаивала бабушка, пела песню на ночь: *«Дитяtko мое качаю, колыбеленку спеваю. Баю, баю, баю-бай, засыпай, мое дитя, ноченьки не бойся. Солнышко взойдет, красное взойдет. Будет добрый день. Баю-бай...»*.

Когда бабушка Вера была жива, она забирала внушек каждое лето к себе в деревню, водила их за ягодами на косогор и по грибы в лес. Рая обычно неохотно плелась вслед за сестрой, ступающей по траве босиком, либо вообще с утра до вечера носилась с соседскими мальчишками. Когда подросла, стала ходить с ними же на речку, на дискотеки в местный клуб, пробовала принесенное друзьями домашнее вино. Вика время от времени просилась пойти со старшей сестрой, но та ее не брала. Пока старшая гуляла, младшая училась прясть, вязать и вышивать, ставить тесто и печь хлеб...

Вика часто пересматривала альбом со старыми пожелтевшими фотографиями. Особенно ей нравилась фотография, где бабушка с дедушкой в день свадьбы. Их дочь, мать девушек, пошла в отца, бледнолицая, светловолосая. А вот внучке Вике через поколение передались бабушкины черты и черный цвет волос.

Утром сестры поднялись на чердак. Мать просила все полезное в хозяйстве сложить в одно место, чтобы потом увезти. Девушки долго перебирали вещи, на память решили забрать деревянные стулья, самовар и стиральные доски.

У стены Вика увидела большой ящик, прикрытый домотканым половиком. Это оказался старинный сундук, деревянный, с коваными ручками и обрамлениями на стыках. Сколько девушки гостили у бабушки, ни разу его не замечали.

Сундук был закрыт на большой висячий замок.

– Да ну его! Поди старая одежда! Не держала баба Вера такие капиталы, чтобы в сундуках хранить, – усмехнулась Рая.

– Нет... Одежду так не запирают... – Вика взвесила замок в руке. – Слушай! Ключ, что мы вчера нашли в бабушкином комодe, не от него случайно? Сейчас принесу.

Замок, хоть и был старый, но открылся сразу. Сестры подняли крышку сундука. В нем и вправду оказалась старинная одежда – платья, юбки, сарафаны, мужские панталоны... Девушки принялись рассматривать вещи, примерять их, перебирать льняные салфетки, полотенца с вышитыми узорами, кружева из разноцветных ниток...

Развязав один из свертков, Вика улыбнулась.

– Смотри... Это ведь на колыбельку вешали... Какая красота...

На самом дне сундука девушки нашли завернутые в шелковый платок две тряпичные куклы и тетрадь – дневник бабушки. Листки пожелтевшие, чернила расплылись, но кое-что читалось.

Куклы, сшитые из некогда белых лоскутов – мальчик в темной одежде с волосами из светлых ниток и девочка в длинном синем сарафане и волосами из черной пряжи.

Вика отложила свёрток в сторону понравившихся вещей.

– Старорусский аналог наших Кена и Барби. Зачем они тебе? – поморщилась Рая.

– На память, – коротко ответила Вика.

Сестры собрали все свои «сокровища»: Рая – пару кофточек, Вика – вышитые салфетки, рушники, кукол и тетрадь.

Рая пошла мыть окна со стороны улицы, младшая же, осторожно переворачивая страницы, стала читать дневник.

Бабушке Вере, судя по дате, было тогда двадцать лет, жила она в деревне с родителями, ждала с фронта парня, чей дом стоял по-соседству. И он вернулся, но не один, а с молодой женой.

«В тот вечер мы снова встретились у реки. Я не хотела идти, но Паша и так уже три ночи подряд ходил под окнами. Как бы отец мой не прознал. Ничего дурного не случилось, но слухи расползаются по деревне быстро. Я все сказала ему. Он женат, жена тяжелая. Не стоит ворошить прошлое. Видно, не судьба. Попросила Павлушу вернуть мне куклу, ту, что дала ему перед его уходом на фронт. Он принёс ее. А его лежала у меня. Я ушла за ней домой, а Паша остался на берегу. Не смогла я сразу вернуться, отец следил за мной. А потом гроза началась, молния в дерево ударила у реки. А Павлуша под деревом стоял. Жена его долго голосила, а я лишь тихо в подушку редела. Нельзя мне по чужому мужу горем убиваться. Куклу я ему вернуть не смогла. Так две у меня и остались».

Следующая запись была сделана через два месяца.

«Вчера они уехали. Пашин отец увез всю семью в соседнюю деревню. Мать его гадостей нашипела, блудницей меня обозвала... Из-за меня Павлуши в ту ночь дома не было, ребенок сиротой останется. Но я-то не хотела этой встречи и пришла к нему лишь, чтобы куклу свою забрать, да ему его куклу вернуть!»

Фамилия парня показалась Вике знакомой. Порохов...

Следующие две страницы почти нельзя было прочитать. Вика поняла только, что через год в деревню

приехала семья переселенцев. За их сына-то и вышла замуж бабушка Вера.

Дедушка умер пятнадцать лет назад. Вика помнила его плохо. Он был старше бабушки. Всю жизнь они прожили вместе, относились друг к другу с уважением, никогда не ссорились.

С улицы пришла Рая. Руки в боки – любимая поза, когда сердится.

– Ты чего расселась? А работать кто будет?!

До самого вечера Вика думала о дневнике и куклах. Непростыми они игрушками оказались. Сестре о прочитанном не сказала, да та и не интересовалась тетрадью.

Вечером после бани девушки снова достали початую бутылку.

Пока Рая наливала вино в стаканы, Вика обмахивалась газеткой:

– Уф! Ну и духота сегодня!

– К дождю! Завтра обеденным рейсом поедем домой. Ты все собрала? – спросила Рая

– Костюм после стирки сохнет... – ответила Вика. – Ну, за удачные трудовые выходные!

После ужина, прибрав посуду, сестры пошли спать. Вика снова долго ворочалась на кровати. Знойный день сменился не менее душной ночью. От открытой форточки прохлады не было.

Девушка лежала, пыталась уснуть, думала о прочитанном. А ведь тот парень погиб именно в грозу! Вспомнилось, что бабушка не любила дождь, грустила, а когда видела молнии, то крестилась и шептала молитвы.

Как по заказу, где-то вдальке раздались раскаты грома. Ветер стал раскачивать ветки, постукивать ими в окно.

Вика вжалась в кровать и закрыла глаза. Воображение рисовало картинки, словно иллюстрации к

дневнику бабушки: гром, молния, горящее дерево...Нет! Глаза лучше открыть!

Гроза приближалась. Ветер уже хлестал ветками по стеклу.

По телу Вики пробежал озноб. Вот так и бабушка боялась, закрывала окна и двери, стоило только упасть первым каплям. Теперь-то понятно, почему.

«Костюм...», – промелькнуло вдруг в голове. Но ведь приближается гроза!

Вика попыталась разбудить сестру. Та не проснулась бы даже под звуки оркестра. На улицу Вика вышла одна.

Двор озарила вспышка молнии, раздался раскат грома. От неожиданности Вика подпрыгнула и прижалась к дверному косяку. «Бог с ним, с костюмом! – подумала она. – Найду, в чём поехать».

Трястись в рабочей одежде в автобусе ещё куда ни шло, но потом же через весь город добираться... И Вика вышла во двор.

До бельевой веревки было пару метров. Ветер трепал брюки и блузку, словно паруса на мачте. И вдруг очередной грозовой разряд осветил чей-то силуэт у забора! –А-а-а! – закричала Вика и бросилась к двери. В спешке она наступила на полу сорочки, упала на крыльцо, больно ударившись коленкой.

Вспышка, и снова – силуэт.

– А-а-а! – голос потонул в очередном раскате, раздавшемся прямо над головой.

Девушка вползла в дом, захлопнув за собой дверь. Бросив костюм на диван, дохромала до кровати сестры и юркнула к ней под одеяло. Та только перевернулась на другой бок.

За окном завывало, стучало по стеклам. Кто-то протяжно, словно издалека, звал:

– Ве-е-ера... Ве-е-ера-а...

Вика укрылась с головой, стараясь не прислушиваться к голосу и стуку. Комнату озаряли вспышки молнии, над домом гроыхало, словно неведомые силы хотели войти через крышу.

«И почему мы ставни не закрыли на ночь?! Хоть молнии не видеть бы...», – думала Вика.

Девушка дрожала, перебирая в памяти молитвы, пыталась напевать колыбельную, но у неё не получалось. Пока, сквозь завывания ветра, не пробился голос бабушки и не стал подпевать ей:

– Дитятко мое качаю, колыбеленку спеваю... Внученька, мёртвых бояться не надо! – шептала бабушка, – и грозы бояться не надо. Встань милая, отдай ему куклу...

«Я могу помочь ей вернуть куклу Павлу!», – вдруг догадалась девушка.

Вика на ощупь нашла лежащие в сумке куклы, закуталась в бабушкин плащ. Ушибленная нога болела. От страха бил озноб. Что она делает?! Куда идет? Но она нужна бабушке...

Прижав кукол к груди, Вика вышла на улицу. Снова блеснула молния, и ее свет озарил силуэт за забором.

– Я иду! – насмелившись, крикнула девушка и вышла за ограду.

Очередная огненная змея, рассекая небо, пронеслась над головой, совсем близко, перед черными кустами, шипящими от ветра и дождя.

Вика, посильнее запахнув плащ, унимая дрожь во всем теле, прошла вперед, на тропинку, ведущую к реке, где много лет назад погиб Павел.

Молния осветила все вокруг. Прямо перед ней стоял человек... Молодой мужчина в зеленой военной форме... Вика хотела бежать, но ноги словно вросли в землю, а горло перехватило так, что нельзя было выдать ни звука.

– Это ты, Вера?.. – сквозь пелену полуобморочного состояния услышала Вика. – Я ждал тебя... Ты принесла ее?

Мужчина протянул руку, словно хотел погладить девушку по щеке.

Вика отшатнулась, швырнула в него обе куклы и, прихрамывая и оступаясь, побежала прочь...

Утром Вику разбудила Рая.

– Эй, соня. Ничего не хочешь сказать? – спросила сестра, указав на мокрую одежду на полу.

– Тебе правду или соврать?

– Как хочешь.

– Прогуляться ходила.

Сестра усмехнулась и больше ничего не спрашивала.

Пока Рая собирала сумку, красилась и причесывалась, Вика сбегала к реке. Там, на тропинке, лежала только одна кукла-девочка...

– Забрал свою, – прошептала девушка, подняла куклу и вернулась в дом...

Через два часа Вика закрыла двери, вышла из калитки и, догоняя сестру, обернулась к дому:

«До свидания. До следующих выходных».

Уже в автобусе, посмотрев на сестру, ушедшую в мир Интернета, Вика достала куклу. Синий сарафан и длинные черные волосы... Как у бабушки! Девушка открыла тетрадь и прочитала последнюю страницу дневника.

«А Паша все приходит к реке, ждет. Не успела я тогда ему куклу отдать, часть души забрала. Вот и мается он, неприкаянный. Каждый год, вот уж 40 лет. А отдать я ему куклу не могу. Хоть и говорят, что мертвых бояться не надо, а все равно страшно».

Среди пожелтевших страниц лежала старая фотография молодого человека в форме.

Автобус кольхнулся, остановившись в соседней деревне. Девушка убрала куклу и тетрадь в сумку и подняла глаза.

Перед ней стоял человек с фотографии, только одетый по-современному: в джинсы и футболку, да улыбающийся во весь рот.

– Вика! Привет! Не узнала? В параллели учились. Я Валерка Порохов...

– Узнала, - прошептала растерянная девушка.

В восьмом классе они начинали встречаться, но через месяц из-за нелепой ссоры расстались. Сколько слёз она пролила из-за него! Бабушка ее тогда успокаивала «Не время, значит, вам пока быть вместе. Или не судьба...».

– А я к деду на годовщину ездил. Представляешь, всю войну прошел, а потом его в деревне молнией убило! Бывает же!

Валерка сел рядом с Викой и Раей и всю дорогу рассказывал про свою семью. Уже на вокзале он вдруг спросил:

– Вик, а может, сходим куда-нибудь?

В ответ девушка улыбнулась и кивнула.

Дом родители не продали. Вика уговорила переписать его на неё. После окончания университета она решила переехать в деревню. А пока что приезжала туда с мужем Валерием. Кукла стояла теперь на книжной полке в окружении вышитых бабушкой салфеток.

Родился 23 июля 1988 года в городе Кемерово.

Посещает литературную студию «Притомье» и Творческую мастерскую «Аз». Автор трёх поэтических книг: «Я - птица, без крыльев живущая...», «Скоро весна...», «Четырёхстенное молчание». Проживает в г. Кемерово

Константин Стафиевский г. Кемерово

Окна зашторены наглухо, чтобы темно,
Время заштопано нитками наших обид.
Солнце пролезло в бутылку на самое дно –
Там и лежит.

Пёс во дворе засыпает – в бесчисленность звёзд
Он пропадает. Никто не узнает уже.
Мой микрокосмос один - он заброшенный пёс,
На рубеже.

Чай с ароматом смородины, чтобы тепло.
Сном, не увиденным, снова заклеен рассвет.
Моему микрокосмосу жизни опять повезло –
Ветер планет.

В сердечной кладовке души завалилась любовь,
Снегом не первым пора уже ночь завершать.
Освобождая себя от ненужных узлов,
Счастье – дышать!

Замёрзла звёздочка
И небо в судорогах
И руки в извести
До боли-радости.
Часы песочные
День пропесочили.
Сквозняк закрученный
В восьмёрку вечности.
И бисер новых слов
Запрыгал с лестницы
Непонимания и ожидания.
Но свет рассеялся
Среди сомнения
И я открыл окно
Понюхать воздуха
Совсем не летнего
Так неожиданно!
А небо всё ещё
Страдало судорогой
Глубокой вечности,
как я бессонницей.
Я так задумался,
Что проглотил её –
Слепую звёздочку
(И не опомнися),
Что в дольке месяца
Тряслась от холода.

Кит

Я раненый кит в океане немых побед
Нахожусь в системе поломанных координат.
Переживаю бури магнитные, не свои семь бед,
Задыхаюсь последствием – бить в набат!

Полумертвый кит – провожаю немую даль,
Тело вымученное окутала смерти сеть.
Соль осела на кожу, свихнулся от боли радар.
Океан забирает сердце, чтоб не постареть.

Я отдаю ему силы за то, что когда-то плыл,
В ожидании облачном дозы грёз.
Я раненый кит, отправляюсь на дно, где ил,
Как на дно под небо к веснушкам звёзд...

Опять гудки в застывшем телефоне,
И провода, запутавшие ночь.
Не бойся спать, тебя никто не тронет
И сны твои не сможет уволочь.

Холодный взгляд у стёкол, будто простынь,
Холодная, постиранная днём.
А скоро всё изменится и осень
Зашелестит сентябрьским огнём.

Похоже, сон, в котором бы проснуться?
Но почему тебе тогда тепло?
Есть только шаг, хочу туда вернуться,
Где, будто эхом слышится "алло".

А там есть ты, себя не подбравший,
Оставивший надолго одного.
Так может, здесь ты точно настоящий
А остальное просто "ничего"?

Здесь так темно, деревья тянут руки
Туда, где свет, где кончится земля.
А ты один в лесу прошедших звуков.
Воспоминания тобой болят, болят...

Вода черна, как будто бы мазута
Напилась всласть, но, не стараясь пить.
Ещё чуть-чуть, ещё момент – и утро
Придёт, чтоб линии звонков разъединить.

И ветер зашумел в молчащей трубке,
И словно капли падают гудки.
И осень мне – спасательная шлюпка
Из прошлого, из чёрной той реки.

Аквариум

Ритмы аккордов ветра
Ртом улавливаю, как рыба,
В кармане лежит конфета –
Тает, как в море глыба.

Конфета из прошлогодних,
Оставленная на память.
Схемы небесно-водных
Кранов пророчат слякоть.

Осень трёхцветных красок
Мажет холсты на ощупь.
В этом году без масок,
В этом году попроще.

Игры прозрачных стёкол
Свет в них играет в прядки.
Осень, мне одиноко,
Осень, да всё в порядке.

Пузырятся дождём асфальты,
Осень – вода на суше.
Листья рифмуют сальто
С ветром, который в уши.

Ноты запрятал музык,
шекочет сетчатку глаза.
Отрыгты все сверху шлюзы,
Дневники не щедры на фразы.

Ритмы стучатся градом
В аквариум - дно событий.
Все едут, куда не надо.
На следующей остановите.

Я снова там, где прозвенел трамвай
И вдаль уехал города вслепую,
Я снова там, где толпы и где лай
Где кто-то пересек опять сплошную.

И дышит этим городом окно
Вбирая пыль и суету вне дома.
Похоже, так давно заведено,
Я жду начала нового пролома.

Трамвай звенит как будто бы опять
Просыпалось зерно дневного солнца
На пыльный и больной весной асфальт.
Следов от ног ничьих не остается.

Идут туда, где ждут или не ждут,
Встречают, провожают, расстаются
Я снова там, где ночью упадут
Все голоса, которым не проснутся

Я снова там, где стены среди стен,
Где небо выжито как высохшая тряпка
И где гуляет ветер перемен,
И жарко мне от времени и зябко.

Сычёва Юлия Валерьевна родилась в городе Мариинск Кемеровской области. Работает менеджером оптовых продаж в городе Кемерово. Редактор поэтического сайта «Термитник поэзии». Член литературной студии «Притомье». Стихи и статьи публиковались в журналах «Огни Кузбасса», «Балтика» (Калининград), альманахе «Образ», сборнике «Шахтёрская доля такая» и др.. «Золотое перо» фестиваля поэзии им. Алексея Бельмасова в 2015 г.

Юлия Сычёва
г. Кемерово

Одноэтажная Россия

Пусть я полжизни что есть силы
Болтаюсь в городских силках,
Одноэтажная Россия,
Ты мне понятна и близка.

И мне твои просторы впору,
К лицу мне цвет твоих дубрав,
Где ветры водят разговоры,
Готовя снадобья из трав,

Где вдоль дорог неугасимо
Цветок пылает «огонёк»...
Привольным воздухом, Россия,
Позволь мне надышаться впрок!

Вернусь я в каменные джунгли,
Где шум и смог, но стол и дом,
И где душа безвольно жухнет
Осенним сброшенным листом...

Домой

Покину город суетной,
Пора домой! Пора домой,
Меня заждался домовой
За теплой печкой.

Копну разок – сыра земля...
Червяк закрутит вензеля,
Над головою тополя
Шумят о вечном,

Плывут тихонько облака,
И будет дождь наверняка,
А жизнь безоблачна, легка
И бесконечна...

натри горбушку хлеба чесноком
рукою щедрой сверху присоли.
и вкус, который с детства мне знаком,
и запах свежевскопанной земли,
и хлопоты по поводу семян,
рассады, удобрений и теплиц
так странно взбудоражат вдруг меня,
теперешнего жителя столиц,
что, растеряв весь городской свой лоск,
я засучу повыше рукава....
твой плоть от плоти и от кости кость
птенец, гнездо покинувший едва.

И дым отечества, и

И дым отечества, и запах,
А также вид его и цвет...
Пеняет прогрессивный Запад
Расположению планет.

В глубинке мы не лыком шиты!
Пусть полдень, двадцать первый век –
Считаем непомерным шиком
Ушанку, ватник и мопед.

Век двадцать первый, парад, Победа,
Мир, май – все радости души!
И я немного сержусь на деда,
Что не дожил...

Я тому дала бы орден, право,
Упрекай меня – не упрекай,
Кто собрать придумал ветеранов
В строгий строй «Бессмертного полка».

Нет сейчас их с нами, но почетно
Правнукам портреты их нести:
Старший пулеметного расчета
Дед Иван, доживший до седин,

Баба Дуся, труженица тыла,
Баба Тося, медик фронтовой...
Наша память – это наша сила,
Как Иванов, знающих родство!

Чашка

Надтреснутая чашка из сервиза,
Что в передрыгах выжила одна –
Как будто туристическая виза
В те канувшие в Лету имена,

Где дед шутил, и бабушка смеялась,
И вся семья шумела у стола,
И я, опять замысливая шалость,
Вертелась под ногами как юла.

Брату

Отделяет от детства не кабельтов -
Бороздим мы иные моря....
Где твоя деревянная сабелька?
Где чумазая кукла моя?

Будут бури и штормы – мы выстоим,
Ну а мелочи быта не в счёт,
Потому что на маленькой пристани
Поседевшая мама нас ждёт.

Улица Мичурина

Хочу ли, не хочу ли я,
На радость – не беду,
По улице Мичурина
В июне я иду.

Шагаю неуверенно
И в поисках примет
Смотрю на цвет сиреневый,
На яблоневый цвет.

Всем сердцем счастье чую я,
Спасенье от невзгод,
И улица Мичурина
Туда меня ведет.

день деньской на работе пробежав -
не поесть толком и не присесть -
я как белка, несчастная белка
в колесе, в колесе, в колесе.

да спасёт ежедневная мантра!
и твержу, закрывая глаза:
я об этом подумаю завтра,
обо всём я подумаю за....

Людмила Иванова родилась 12 июля 1961 года. Проживает в п. ст. Каменный Ключ. Учитель истории. Участник поэтических фестивалей. Победитель поэтического фестиваля «Кузбасс, я признаюсь тебе в любви» в 2012 году. Публиковалась в журнале «Огни Кузбасса», в книге «Детство, опаленное войной». Заняла 2 место на фестивале поэзии им. Алексея Бельмасова за 2015 год.

Людмила Иванова
П. ст. Каменный ключ

Пушкин вам отстой? Школьный предмет
занудный? Эх вы прохлопали!
Его за почти что двести лет
раз сорок уже... пробовали...
Да зубы сломали... А он – влегкую выстоял,
весел и милосерден.
Открою одну железобетонную истину:
Пушкин бессмертен.
Не то что смерть, но даже и просесть,
и прочие... тленности и брэнности –
ему не страшны! И его не сбросить
никому – с корабля современности!
Ни при чем здесь критики и о рангах табель,
потому что он сам и есть – сей корабль!
Важнее оружия, важнее хлеба,
важней, чем наук чудеса...
Нетленный ковчег, одевший полнеба
в сверкающие паруса!
Ему подвластны и быль, и небыль,

море, суша, и близи, и дали.
Пушкин им негож... Эка невидаль!
А вы его, хлопцы, читали?
Он решает сам, кому согреться
у костра его – желанным гостем.
Он знает, в чем воцариться сердце
пожизненно – Первым Консулом.
Это ваши потонут рэпы и гитарки
в громе его струн.
Это вы с подружками станете перестарки,
а он-то – вечно юн!
Он белозубо хохочет, прощая безоглядно,
нам глупости наши и слабости.
Пушкин им ненадобен...
Бросьте, ребята.
Это вы ему без надобности.

О любви, или триста спартанцев

Любовь не знает слабости и лжи,
шатаний, и шараханий, и прятков, –
сталь сердца и оружие души
в борьбе за тяжкий путь – что прям и краток.
Любовь не знает страха – никогда! –
нытья и щек, от трусости поблекших.
Она как воин в древние года –
из тех трехсот, на смерть себя обрекших,
отрекшихся от всякой суеты,
хлопот и прежних чар, и их подобий,
смыкающих тяжелые щиты
за чередой посеребренных копий!
Любви не страшны Тартар и Аид,
она струит веселую отвагу;
в изрубленных доспехах Леонид
так шел вперед –
в последнюю атаку!

Чужда сомнений, скупости и смет
расчетных, и догадок осторожных —
она дает невысказанный ответ
на наш вопрос — любой из невозможных!
Оглядки и вины не признает
и непреклонна в радости и в горе.
... Вот падает последний из трехсот,
зажав стрелу в окровавленном горле!
Любовь есть смысл и счастье, а не грех;
звезда всех утр, прошедших и наставших.
И так сказал бы вам любой из тех —
трехсот парней, на смерть себя пославших...

Сон-трава или прострел

Вешнему шепоту внемлю —
над речкой, во всем права,
простреливает сонную землю
сон-трава.
Качают ветра беспечные
небесного стекла
сиренево-сине-млечные
хрупкие колокола.
В мире побед и несчастий
что будешь делать с ней?
Есть ли вещь прекрасней,
невиннее и нежней?
Может, глаза ребенка?
Может быть, облака?
Материна иконка?
На небе звезд река?
Гнется цветок бессонный,
в сердце глядит в упор —
крохотный, невесомый
во славу Божью собор.
Нет совершеннее храма,

разве что Нерль-Покрова?
Разве что – Нотр-Дама
тяжелые кружева?
Жемчуг весна разбросала.
Нету светлее сна,
разве что – Тадж-Махала
блистающая белизна?
Растет сон-трава, безгрешна.
Поезд бежит вдали.
Может, сама надежда
пробилась из-под земли?
Может, не все потеряно
в скучном дыханье тьмы?
Может, в чаду Инферно
не задохнемся мы?
... Все минет. За все ответится.
Не ведая лжи и зла,
Над юной травой светятся
хрупкие купола.

Семидесятые годы. Кино про войну

...И танки шли – лоб в лоб, в работе
своей смертельной. Длился бой.
«Ага, привет от тети Моти!», –
кричал танкист сквозь лязг и вой –
и зал смеялся, умиленный...
Да! Сельский клуб, Сибирь, снега...
А здесь – броней раскаленной
гремела Курская дуга.
Был честен режиссер дотошный
и точен – много лет назад.
И стрекотал, как заполошный,
советский киноаппарат!
«Огонь!», – из гари и тумана
полезли «тигры». Сбит прицел.

И офицер в упор с экрана
глазами синими смотрел.
И суетился танк крестатый,
поспешно дуло наводя.
И на лафете пушки смятой
следы кровавого дождя...
Комбат орал: «Назад ни шагу!»
Как близко все... и далеко...
И лез солдатик по рейхстагу,
сжимая теплое древко...
«Не падай, выживи, братуха!», –
молил его безмолвный хор.
И пот со лба, ругаясь глухо,
стирал измученный актер.
Где этот зал? Так вспомнить тянет,
хоть старый клуб исчез давно,
но – не уходит, не устанет
война – себя играть в кино.
...Пропахла дымом гимнастерка,
разрывы, слезы, кровь и пот...
Горящая тридцатьчетверка.
Тяжелый шаг пехотных рот.

Самойлова Анна Александровна, родилась в ноябре 1965 года в г. Пржевальске, в Киргизии.

Первый рассказ был опубликован в 2003 году в газете «Вечерний Барнаул». Публиковалась в еженедельнике «Алтайская неделя», Журналах: «Алтай», «Барнаул», «Уральский следопыт», «Магия ПК», «Встреча», «Если», в «Литературной газете. Алтай», «Реальность Фантастики», Автор книг «Якорь для крыши», «После осени» и «Найденный дом», «Облака-корабли».

Член Союза писателей России.

Живёт в Барнауле.

Анна Самойлова
г. Барнаул

Плюс стопицот к мудрости

Колька и Сёмка шатались по супермаркету. Не сказать, чтобы у них были планы или лишние деньги, но в уроках образовалась дырка – русичка заболела. К тому ж в карманах позвякивали монеты на пару батончиков.

Переходя от одного стеллажа с продуктами к другому, Колька вещал:

– Думом нужно идти сразу в лес, и к шестому лвл, собрать фейзы и маску. С гиппером мы уже можем гангать изи лайн и мид, в принципе особо не напрягаясь. Потом добираем рёбра и уже спокойно переходим на лайн, и по ситуации смотрим кто против нас. Если у врагов в тиме есть такие пушеры, как бруда или фура – собираем радик, чтобы не дать пропустить, если сплошные прокастеры – аганим, если дикие керри – то тут уже по ситуации... Рефрешер нужно собирать в фан треш игре.

– А ты хоть раз делал рампагу?

– Было дело.

– А какой перс лучше? Мой самый любимый – Виндранер. Это керри, а не саппорт.

– Не имеет значения, какой перс. Нет ничего опаснее, чем опытный игрок, – Колька подошёл к стеллажу с хлебом и, указав на булку, добавил с усмешкой. – Плюс двадцать к силе!

Сёмка засмеялся и махнул в сторону выстроенных посреди зала коробов с фруктами:

– А там все плюс пятьдесят к здоровью!

Шоколадным конфетам в коробках был присвоен индекс плюс восемьдесят к удовольствию, а стеллажу с колбасами – плюс десять к сытости.

Выбрав по батончику с ореховой начинкой, мальчишки встали в очередь за бабулей. Она двигалась медленно: поставила корзинку на прилавок, начала доставать продукты из корзинки, каждый внимательно зачем-то рассматривая, прежде чем подать кассиру: молоко в тетрапаке, французский батон, пачка сливочного масла в бумажной упаковке, творожок в пластиковом контейнере, яблочко в полиэтиленовом мешочке, пакетик шоколадных конфет...

Кассир спокойно подставляла штрихкоды под ридер и складывала покупки в большой жёлтый пакет.

Колька и Сёмка маялись в ожидании своей очереди.

Внезапно Колька подмигнув товарищу, подsunул свой батончик в карман бабуле и прошептал:

– Ей плюс десять к скорости, а нам – плюс все сто к развлечениям!..

Тем временем медлительная покупательница заглянула в пустую корзинку, проверяя: всё ли она достала, рассчиталась за покупки, взяла пакет и наконец-то отошла от кассы.

Сёмка протянул кассиру батончик и две крупные монетки, получил сдачу тремя поменьше и направился к выходу, но Колька придержал его – бонус к развлечению у столика укладывал покупки и никак не шёл через магнитную решётку.

Наконец всё было уложено и бабуля, шаркая, пошла на выход. Когда она оказалась в рамке, заорала сигнализация: «Неоплаченный товар! Вор! Вор!»

Старая женщина остановилась и начала озираться. Но больше никого в рамке не было. Сигнализация сработала на неё! И привлекла внимание всех, кто был в торговом зале. Покупатели смотрели на неё кто равнодушно, кто с осуждением, кто с сочувствием. А с разных сторон уже спешили охранники и старший администратор. Окружили её и предложили пройти к столику, проверить чек.

Когда выяснилось, что в пакете всё соответствует, попросили показать, что в карманах.

Бабуля сунула руку в карман и с побледневшим лицом вытащила батончик.

Она с недоумением смотрела на чужое лакомство и бормотала:

– Откуда?.. Это не моё!.. Боже, со стыда стореть можно!.. Да я никогда в жизни чужого не взяла...

А старший менеджер тем временем отчитывал «воровку»:

– Как вам не стыдно? У вас же пенсия. Не хватает – так обратитесь к родственникам или в собес, но воровать... Стыдно, бабушка...

Ухмыляющиеся охранники многозначительно переглядывались, мол, впредь nepовaдно будет!

Колька явно наслаждался эффектом, а Сёмка спросил:

– И что теперь с ней будет?

– Да всё нормально будет! Отвезут в отделение, почитают морали и отпустят.

И словно в подтверждение его слов, старший менеджер спросил у охранника:

– Полицию вызвали?

От этих слов старушка побледнела ещё больше и осела кулем.

Охранники подхватили её и отнесли к скамье. Тут же образовалась толпа, старушку окружили, и мальчишкам стало не видно происходящее. Они потолкались немного и направились к выходу, но их догнал крик:

– Кто-нибудь, вызовите «Скорую»!

И следом эхом прокатилось:

– Поздно. Померла бабка.

Люди расходились, ругая работников и владельцев магазина, мол, изверги, пожалели старой женщине шоколадку. Не обеднели бы... кто-то уже предложил купить такие же батончики и оставить на кассе, чтобы эти кровопийцы подавились, кто-то предлагал бить морды буржуйам, кто-то грозил расправой администратору и охранникам...

А Колька с Сёмкой постояли и пошли в школу – математику никто не отменял.

Всю дорогу до школы шли молча, каждый думал о своём. Уже возле двери в класс Колька сказал:

– Да... Слилась бабуля...

Сёмка ничего ему не ответил, лишь сильнее втянул голову в плечи.

Борисова Наталья Андреевна родилась 2 июля 1995 г. в городе Оренбурге, Оренбургской области. На данный момент получает высшее образование в Оренбургском государственном университете. Участница фестивалей: «Мы выросли в России» г. Бугуруслан 2014г.; II лит. фест. имени Михаила Анищенко г. Самара 2014 г.; III Международного совещания молодых писателей г. Каменск-Уральский 2015г..
Лауреат литературной премии «Чаша бытия» г. Оренбург 2015г.
Публиковалась в альманахе «Гостиный двор» 46, 48 номера.

Наталья Борисова **г. Оренбург**

Счастье

Из сотен возможностей упущены только главные -
Сквозь пальцы песком, на ветках незримым инеем.
Опять, проиграв поединки судьбы неравные,
Уходит счастье с простым и приятным именем.
А ты опомнишься поздно, несвоевременно,
Оно сбежит, как муза от композитора.
И лишь в дали печально и неуверенно
Мелькнет рукав его голубого свитера.
Уходит счастье тоннелями, коридорами,
Пока решаются мелкие неурядицы,
Его не слышно, за глупыми разговорами.
Уходит счастье и растворяется, растворяется...

Каждый охотник желает знать,
Где затаилась дичь .
Всякая женщина хочет стать –
Лучшею из добыч.

Не завоеванной налегке,
Не побежденной в раз,
Хочется быть журавлем в руке,
Нужной до слез из глаз.

Я же – особенное зверье,
(В шаге оленья стать)
Можешь свое опустить ружье,
Мне на него плевать.

Я не запутываю следов,
Скрытности здесь zero.
А из под цокающих каблуков
Сыплется серебро.

И не звериная вовсе грусть,
В дикой груди живет.
Знает охотник, где я пасусь,
Знает, да не убьёт.

Здесь поля без края... без края и без конца.
Только дикий ветер кромсает степную даль.
Если это мир, где сын предаёт отца,
Мне его не жаль, ни капли, его не жаль.

Мне не жаль покинуть сумрачный континент,
Вбить кинжал забвения по самую рукоять.
Если родина там, где родины больше нет,
То ее не страшно, не страшно совсем, терять.

Позабыть навек не страшно её простор,
Гладь озер и горного эха далекий крик,
Позабыть не страшно и говор, и разговор,
Все былины, сказания, песни, да сам язык!

Но, как звезды, сверкнули слёзы на образах,
И запел рассвет над черной речной водой,
Вся Россия вдруг утонула в твоих глазах,
И не надо стало судьбы и страны другой.

Растворились немые улицы городов...
Я смотрела в даль и все не могла понять,
Как такая огромная, пламенная любовь,
Поместилась в такую маленькую меня?

Пустое место

У кого-то хобби – фигурки лепить из теста,
У кого-то семья, у кого-то кипит карьера,
У меня есть совсем небольшое пустое место,
Ну почти незаметное, где-то с тебя размером.

Посмотри, как заманчиво с улицы светит солнце,
Пробивается смело в любой уголок квартиры.
Только этот разрыв не латается и не шьется,
А попытки починки множат и множат дыры.

Я встречала других, но они в этот паз не входят,
(Главный минус любви – не бывает она по
ГОСТу.)

На такую машину запчасти не производят.
Это очень грустно и до смешного просто.

Не смертельно это, земля не прервет вращения,
Мы научимся жить, научимся «брать и помнить»,
У меня будет все от признания, до презрения.
Будет все... и место, которое не заполнить.

Письмо

Забери меня в свой мрачный город,
Увези пожалуйста отсюда.
Там тебя наверно мучит холод
И неизлечимая простуда.

Вот, держи, пока ещё живое,
Молодое сердце певчей птицы.
За свободу, данную тобою,
Я могу доверием расплатиться.

Всех жестокой хладностью измучил,
Каждая хотела быть твоею,
Да и я других ничем не лучше,
Разве что стихи писать умею.

Мы друг другу не родные люди,
Врозь свои переживаем беды.
Если вдруг тебе там плохо будет,
Попроси и я сама приеду.

Замочная скважина

На спине, под левою лопаткой,
Проявилась, сердце истязая,
Прокралась за ребрами украдкой
Скважина замочная резная.

Это всё случилось слишком быстро,
Так давно, что мне и не упомнить.
А теперь сквозняк с холодным свистом
Задует из сердечных комнат.

И в чужих безропотных ладонях
Закреплен на ленточке кровавой,
Так привыкший быть у посторонних,
Старый ключик бронзового сплава.

Я его найду и отвоюю,
В самом тёмном заточу подвале,
Чтобы эту скважину резную
Больше никогда не открывали.

Может кровь тогда забагровеет,
Расплетутся узелочки нервов.
Мой замочек в сердце заржавеет,
И исчезнет, навсегда, наверно....

Кукольник

Прости, что не гоню ко всем чертям,
Но и с тобой, как прежде, не бываю.
К хорошему мы быстро привыкаем.
Прости, что разбираюсь по частям.

Я знаю, как паршиво хоронить
Обмершую и слабую надежду,
Когда цепляется и рвёт тебе одежду,
Когда она не кончила скулить.

Я не держу, но за тебя держусь.
И ты бы мог меня стряхнуть с ладоней,
Ты говоришь, что ты меня уронишь,
И я тогда, как чашка разобьюсь.

Марионетку, брошенную в угол,
Пытаешься насытить кислородом,
Истерзанную злобным кукловодом,
Любимую из всех красивых кукол.

Ты пожалеешь там, где он обидит,
И чинишь там, где он всегда ломает,
А он меня обратно забирает
И так же больно дергает за нити.

Утреннее

На правом плече кретин,
На левом плече маньяк,
Постель – голубой сатин,
Я здесь в простынях – моряк.

Я здесь в простынях сама
Безропотна, как вода.
Похоже, сошла с ума,
Но это не навсегда.

Здесь солнце с собой силком.
За руку приводит день.
Я нежусь на дне морском
И мне выбираться лень.

В плену золотистых тин
Я жду судьбоносный знак.
На арфе бренчит кретин
И нежно поёт маньяк.

Тихон Синицын родился в Севастополе в 1984 году. Окончил Крымский Гуманитарный Университет в Ялте. Работал горным инструктором, художником и преподавателем истории искусств. Стихи печатались в газете "Литературный Крым", журнале "Введенская сторона" и альманахе "Севастополь". Автор поэтического сборника "Частная тетрадь". Много путешествовал по стране. В настоящее время в аспирантуре занимается исследованием в области византийской эстетики.

Тихон Синицын
г. Севастополь

SEPTEMBER & SILENTIUM

Вечер
выбрит до синевы.
Солнце
с привкусом винограда.
Здесь, в потоках сухой травы,
нам почти ничего не надо.
Только в море блеснёт ласкирь.
Только память
простится с летом.
Наше будущее –
пустырь,
наводненный осенним светом.
Воздух
невыносимо чист.
Тихо.
Ветер цветков не склонит.
Лишь заезжий
мотоциклист

потрещал
да исчез на склоне.

Короткометражные сны

Легкие облака
заволокли каркас
крымского
сосняка.
Небо –
густой левкас.
Живопись сквозняка
заорожила нас.
Не зависай в сети,
словно звезда, свети
в пафосной памяти.
Там, где всегда светло,
озеро заросло –
в рамочку под стекло
вставить бы, словно фотку,
чтоб различать мазки
едкой, как дым, тоски,
мокрый песок
и лодку...

В новом Зурбагане

В нашем городе
пьют допоздна мохито,
переходят улицы босиком,
продают катрана.
Боясь бронхита,
лечат горло маслом и коньяком.

По привычке прячут глаза от жажды
впечатлений, отпуска, новых лиц...

Мы под этим небом живём однажды.
Мы не хуже малых господних птиц.

Сочтены и волосы и глаголы,
жаркий летний воздух и каждый вдох,
и фонарик тот, что летит над молотом,
и вопрос, что может заставить врасплох.

Евразийский ноябрь

Когда дорога серая от клейстера
размокших листьев, брошенных в грязь,
застывшие деревья пищат Нестеров...
— А ты любовь за пазухой вези.
Ты — современник этой новой осени,
тебе ещё доступна благодать.
Легко дыши, мечтай о Новороссии.
— Смотри, до облаков рукой подать!

Одесская Хатынь

Восторженно жгут янычары славян.
Гуляет у моря огонь холокоста.
И в парке ночами – не майский туман,
А взорванных туч дымовая короста...

Я знаю, ты тоже из этой страны,
Ты тоже спешил торопливо в Европу.
Какие теперь тебя мучают сны?
В какие ты веришь теперь гороскопы?

Ты тоже жуёшь вечерами полынь,
Когда над кварталами небо темнеет,
И в руки Господни восходит Хатынь
Из выбитых стёкол Приморской Помпеи?

Постмайdanовское

Был дождик,
Ветром сдуло градусник;
В календаре цвела весна.
И облако,
Как белый парусник,
Припарковалось у окна.
Все признаки
Священной хрупкости,
Все sms-ки, все слова
Я позабыть успел по глупости;
Болела долго голова...
Кузнечик выдавал коленцами
Такой невыносимый джаз,
Что чувство чистой
Экзистенции
Порою посещало нас...

31. 08

Облака почти как материка...
— Погляди на небо,
оно, как плазма.
Сумасшедших чаек кормлю с руки...
От морского ветра — под кожей спазмы.

Дорогая, знаешь, сегодня я
ото сна очнулся, как от круиза...
Утопает август в морских слоях.
Даль — светлее помыслов Элоизы.

Электронных писем несметный клин
исчезает в сумерках где-то в Сочи.
Присмотрись: раскачивается трамплин
предосенней ночи...

Сумерки

Ты молчишь и шуришься по привычке,
Уловив, как медленно по полям
«Скоростные» сизые электрички
Разрезают сумерки пополам.

Мы увязнем в липком, густом суглинке,
Где скользнул соседский велосипед...
В синем небе, с птицами Метерлинка,
Растеряем поводы для бесед.

И запомним горлицы ликование,
Нашу жизнь, похожую на эскиз,
Да ещё несбывшееся желанье:
Вместе съездить в августе в Симеиз...

Ялта

Здесь горы неразумно-синие.
Их ловят в объектив японцы.
Спадают волнами глицинии,
распространяя сон и солнце.
В моей разноголосой Таврике
у неба привкус абрикоса.
Здесь притворяются кентаврами
лиловые сухие осы.
Звезда сверкает
ярче лампочки,
когда грядёт ночная кома...
Я всё забыл здесь:
юность,
тапочки,
твой номер
и билет
до дома.

Олег Кличанин родился в городе Благовещенске-на-Амуре 4 января 1955 года. Работал на стройке в городе Березовский. Десять лет занимался репортерством в информационно-аналитической программе «Пульс». С 2014 года посещает литературную студию «Притомье». В августе 2014 года стал лауреатом десятого Всероссийского фестиваля «Юго-Александровский родник» (второе место), по итогам которого в 2015 году в издательстве «Союз писателей» вышла книжка стихов «Поэтическое трио», а в ней подборка «Набело»... «Золотое перо» на третьем Всероссийском фестивале поэзии имени А. Бельмасова за 2015 год.

Олег Кличанин
г. Кемерово

Антиплатформенное

Чумазый лёд, чумазый снег –
Нефть заливает Ледовитый.
Прошел ужасный человек,
Цивилизованный и сытый.
Гагара в нефтяном пятне
Пытается очистить крылья,
Но нефть на лапах и спине,
И чахнет птица от бессилья.
Как «мойдодыровый» герой,
На черный лед вылезит мишка,
А следом движется второй
И он, скажу, не белый слишком.
Потом стал океан... тонуть.
Полярный день. И солнце цепко.
На материк рванула муть,
А в ней Евразия, как щепка...

Ода водке

Крепка, чиста! Слеза – и только!
Неистребима – не борись!
На свадьбах пьют со словом "горько".
За упокой. Здоровье. Жизнь.

За обретение. Потерю.
Альтернативы водке нет.
Её мы пьем, когда не верим.
И с верою на много лет...

Переписка в сети

Словно фронтовик и тыловичка,
Вместо треуголок – Интернет.
И не номер дома на табличке,
А какой-то цифровой букет.
Пишется письмо клавиатурой,
Не огрызком химкарандаша,
Носит почту не соседка Шура,
А сигнал – почти что, как душа.
В общем, изменились мир и люди,
Изменилось построенье фраз,
Но, как деда с бабушками, любим –
Это неизменное для нас.
Словно фронтовик и тыловичка,
Пишем письма, веря и любя,
Вкладывая чувства на странички,
А еще – немножечко себя.

Слово потомка

Мне было минус десять
В далеком сорок пятом...
Не мог я куролесить;
Не мог я быть солдатом;
Не значился рожденным;
Не числился погибшим...
Но был, определенно,
Обязан победившим!
Обязан тем, что буду
Январским – не иначе,
И миру, словно чуду,
Порадуюсь, поплачу...

Грабли, или уроки, которые ничему не учат

Сколько уж веков подряд
Там, где ходят ноги,
Грабли русские лежат
Посреди дороги.
Этим граблям нет цены,
Нету счета шишкам,
Потому что у страны
Все по-русски слишком:
Не берется здесь урок
На заметку срочно,
Повторяется порок
До смешного точно...
Скажем, лет так через сто,
Или, может, двести
Вновь наступит Русь на то,
Что в лобешник треснет.

Мой вокзал

А жизнь и правда, — мой вокзал —
Всегда со мной. То жду, то еду.
Казалось мне: я завязал, —
Есть крыша, угол, стол к обеду...
А оказалось, мой вокзал —
Вся жизнь, и в этом постоянство.
Он разлучил и он связал
Меня и время, и пространство.

Дачные страдания

Дачник плачет на кукурках:
Домик выгорел до тла;
Не земля в саду, а корка,
И на корке той — зола.
Печь торчит на пепелище,
В небо целится труба:
« Предлагали же мне тыщи!
Отказался. Не судьба»
А «судьба» своею дланью
На ближайших рубежах
Строит вверх высотку-зданье
При подземных гаражах.
Раньше там сады кипели.
Домики на всякий вкус
Возводили, как умели.
А весной сажали куст...
Но теперь массив жилищный
Вытесняет сотни дач,
Алчный он и очень хищный...
Не поможет деду плач.

Ольга Николаевна Исупова родилась в Барнауле. Имеет образования – филологическое (АГУ) и психологическое. Пишет стихи, прозу. Неоднократно являлась победителем региональных и городских конкурсов. Автор поэтической книги «День свободы» (2014г). Публиковалась в журналах: «Барнаул», «Алтай», «Культура Алтайского края», «Бийский вестник», «Встреча», «Фантастическая среда», электронном журнале «Пикет». Живёт в г. Барнауле.

Ольга Исупова
г. Барнаул

За футбол!

«На фиг такая любовь!»

Виталик Веткин досадливо сжал в зубах сигаретину. Выдавленные табачные крошки были ещё горше, чем дым. Обычно крепкая «Астра» успокаивала, но, видно, не сегодня. Погода ещё нитонисёшная: тут сухо, тут лёд, тут вообще грязь.

Опять вспомнилась Светка. Уже две недели, как она его бросила. Жадная тоска крутанула сердце. Виталик еле успел затормозить. Такси чуть не ткнулось в ограждение.
– Куда прёшь!

По безлюдному в ранний утренний час переходу шла женщина в белом длинном пальто с ярко-синим платком на шее.

«Тащится еле-еле! Коза!» – Виталик раздражённо забибикал.

Женщина осторожно ступала по наледи тонкими каблуками синих сапожек.

«За полтинник, поди, перевалило, а всё выпендривается!»

– Ну, дура! – последние слова Веткин, не сдерживаясь (да в честь чего?) выкрикнул вслух. И добавил словесного ускорения. – Шевели копытами!

Но женщина, наоборот, остановилась, будто улицу внезапно перегородили. Бледное лицо, тёмная косая чёлка, глаза, как у вспугнутой оленихи.

– Чего уставилась? Давно не посылали? – и махнул рукой.
– Двигай давай!

Проходящая, наконец, оторвала растерянный влажный взгляд от водителя и, оскальзываясь, поспешила к тротуару.

А злость всё ещё тяжело толкалась в душе Виталика, комкалась, не оседала на тёмное дно. И, чтобы придавить дурацкое настроение, он резко тронул с места. Ошмётки грязи из-под колёс глумливо легли на правую полупальто женщины.

Прибавил скорость. Улица задвигалась, выбрасывая из серых рукавов дома, красные лозунги про пятилетку, первые горстки прохожих. За деревьями с остатками листьев мелькнула церквушка с неярким червонцем купола.

– Еду-еду я до дому, только кустики мелькают! – попробовал затянуть Виталик.

Но опять не покатило. Еду-то еду, да не до дому, а на работку любимую.

От песенки тянуло свободой, весёлым расслаблением, а тут паши как проклятый. Поясница же не казённая! Переться чуть не на другой конец города по вызову!

Да, летом было хорошо. Свётка не дёргалась, не выкомаривалась, чуть что не так. Виталик представил крепкие ляжки, ладный задок недавней подружки и заелозил по веллоровому сиденью.

Это всё Светкина мамаша, Ада Горгоновна! (По паспорту, ясно, Григорьевна). Она дочечку настроила против него. Ещё бы: малышка – аспирантка в золотой пыльце, а он – таксист-бесквартирник. Но зато какой! Так

эту университетскую надежду обработал, что в кадык ему смотрела! И мамаша, когда из Томска со своими лекциями прикатила, только одному и радовалась, что её принцесса не беременна!

А месяца через четыре всё пошло по кочкам-по ухабам. Ада эта с рогами тогда от дочки не вылезала, на кухне ей нашёптывала. И не выгонишь особо: квартира-то Светкина. Деньги считала, которые я не приношу! Своих бы мужиков считала! Ишь, поэтесса, целина недопаханная! Честь и достоинство! Потому стишки и кропает, что никто не крАпает! Членша!

Перед глазами Виталика само собой встало белое лицо Ады Григорьевны с серыми запятыми бровей и чётким ртом, полным острых зубов.

И, главное, Светка на заманухи больше не ведётся. Сразу режет ниже пояса. Полный отлуп. Ну ладно, вечером дюзну как следует.

День расстилался до мутного горизонта – тусклый, безотрадный.

Свежий огурец уютно похрустывал. В боках банки с помидорами отражалось наливное лицо квартирной хозяйки. Виталик тренированно отщёлкнул ногтем пробку «Столичной». В прозрачной глубине рюмок задышала жизнь. – Так, селёdochка!

Виталик аккуратно отрезал рыбе голову.

– На, Михална! Твоя любимая! – он протянул хозяйке кусок.

Та ловко приняла селёдку на блюде. Потом водрузила посреди кухонного стола тарелку с горячей картошкой, посыпала её зеленью, пристроила рядом колбасную горку.

– Капустки ещё принесу! И языки в желе! По благу достала!

Виталик одобрительно посмотрел на круглые руки хозяйки. В их мягкой хлебной глуби темнели локотки.

– Включи телевизор. Пусть нагреется. Щас футбол будет. Ну, давай пока – как говорится, за уик-энд. Оп! Э-э-х!

Глаза Виталика подобрели.

– А хороший я парень всё-таки, скажи, Михална! Всегда к тебе возвращаюсь. Погуляю-погуляю, и обратно. Так что, дело молодое – тридцатник всего.

Вторично наполненная рюмка вдруг замерла в натруженных руках оратора. Ведущая местных новостей разговаривала с женщиной – той самой, в пальто, что он так здорово припечатал: пусть не шляется. Только сейчас на утренней прохожей было чёрное платье с кружевами. Теледива благодарила за посещение нашего города воинской славы и древней русской культуры, где так много восторженных читателей. Женщина в ответ улыбалась, восхищалась гостеприимством горожан и книгами первопечатника Ивана Фёдорова в музее.

– А теперь, Белла Ахатовна, почитайте нам свои стихи!

С экрана зазвучало:

Прозрели мои руки. А глаза –

Как руки, стали действены и жадны.

Обильные возникли голоса

В моей гортани, высохшей от жажды

1

По новым звукам...

Виталик мотнул чубом на читавшую.

– Поняла что-нибудь, Михална?

Вилка с грибом в руке хозяйки нацелилась на экран.

– Я что, полупендра, что ли? – употребила она новое слово, слышанное от знакомой продавщицы.

– Это точно! Ну, будем! За футбол!

Виталик выпил, посмотрел на масляные губы Михалны и решительно обнял её сытый стан.

– А что, Валюха, возьму да женюсь на тебе. Ну и дятел с ним – на пятнадцать лет старше. Баба ты добрая. – И добавил, тыкая картофелиной в солонку. – Не люблю я поэтесс!

Михаил Корюков родился в 1991 г. в г. Каменск-Уральский Свердловской обл. Участник межрегионального семинара-совещания молодых писателей «Мы выросли в России» (Оренбург – Бугуруслан, 2014), всероссийского литературного фестиваля им. Михаила Анищенко (Самара, 2014), участник Международного совещания молодых писателей (Каменск-Уральский, 2015), финалист Седьмого Всемирного поэтического фестиваля «Эмигрантская лира 2015» (Брюссель-Льеж-Париж). Публиковался в «Независимой газете», в журналах «Молодежная волна» и «Новая Реальность». Автор книги стихов «Место будущего шрама».

Михаил Корюков г. Каменск-Уральский

*«...сжимая пространство до образа
мест,
где я пресмыкался от боли...»
И. А. Бродский*

Здесь ни моря, ни белого облака,
ни травинки зеленой, ни звёзд.
Только трубы, заборы и около
проходной пара пней от берез.

Где-то здесь моя малая родина...
За забором ли, возле трубы,
у дороги ли мною не пройденной,
где морщинутся потные лбы?

И пространство до образа местности
уменьшаю, до боли в душе,
распознать, чтоб свои неизвестности
или вовсе чужие уже.

Вот иду я по образу местности,
заводские машины шумят,
поднимаюсь до цеха по лестнице:
трое курят в спецухах, сидят.

Над курилкою бледное облако
не спеша ускользает в окно
под гудки и свистки, чьи-то окрики,
цеховую игру в домино.

Отцу

Мне повезло быть найденным в капусте –
здесь нет твоей и аиста вины.
С твоей руки, как космонавт, до люстры
я долетал, как будто до луны.

Как на коня запрыгивал на плечи –
я для тебя был лучшим ездоком.
Из-за тебя в детсаде кушал гречу
и запивал топленым молоком.

Я, как и ты, люблю рубашку в клетку,
табачный дым, осевший на руках,
и высоко подбрасывать монетку,
когда волнуюсь и приходит страх.

За сигареты и за страх спасибо,
за легкость рук и за капустный ряд,
спасибо папа, все-таки спасибо,
хоть за такое не благодарят.

Четыре четверостишья

*«Я пойду.
Захвачу теплый шарф
и повешусь на нем в передней».
Л. Войнакова*

Беда: часы не утихают
до выходного дня.
Не говори со мной стихами
и пожалей меня.

Над городом сгустились тучи,
наверное, гроза.
Возьми свой шарф на всякий случай
и завяжи глаза.

Я за руку возьму нелепо.
Прошу, доверься мне!
Пусть остается небо это
подальше, в стороне.

С тобой обнимемся стихами,
забудем в дневнике.
Шарф вынесем во двор, оставим
висеть на турнике.

Спустишься по Ленинградской
с сиюю в руках.
Небеса глядят с опаской,
запертые в страх.

Пофиг всем, что ты с Урала
с родины крючков –
Волга в рамочку цепляла
бедных бурлаков.

Хочется, чтоб все иначе,
как-нибудь не так
прятались мои болячки
в строчечный бардак.

Хоть бы кто-нибудь похожий
на тебя сказал:
Миша, милый мой, хороший...
и поцеловал.

Подражание Есенину

Небосвод над Самарой такой голубой,
как красавица-Волга и впрямь голубая.
Расскажи мне, Настюш, что такое любовь,
нихрена потому что я в ней не смекаю.

Да, запущенный, дерзкий, к тому же небрит,
от противного все получается, Настя:
этот чертов закат, этот гребаный вид
за душою моей открывается настезь.

С подоконника лучше смотреть на него,
повернуться, увидеть тебя на кровати,
полюбить нашу жизнь ни с того, ни с сего,
невзначай и тебя, так банальнейше, кстати.

Все мерещится мне твоя нежность руки
в поцелуях, прогулках, объятьях другого,
не от этого ли полюбил кабаки
с матершинным донельзя, да искренним словом?

Расскажи, как прибрать весь подстрочный бардак
как сверстать мне его понадежней, получше.
Без тебя не живется, живется никак,
сам не свой и не твой, и такой никакущий.

Мне бы только остаться вот с этой весной,
с бурлаками кораблики в рамочке удить,
и остаться с тобою, остаться с тобой,
где слова твои правы: «такого не будет».

*Памяти Вовы Пашаева,
Артура Илюшкина и
Васи Иванова*

Деревня Малые Карзи
конечная – достанем водки.
Забудет младший принести
из дома выцветшие фотки.
Вокруг уральские холмы
и небо местное над нами,
переходящая на «мы»
земля с друзьями под ногами.
Бутылка тискает траву.
Сегодня не пришла старуха,
чтоб не смотреть на нас – братву,
чтоб не примять земного пуха.
А мы без страха и стыда
нальем и материмся с горя
во след покойным навсегда,
могилам этим за забором.
Володя, Вася и Артур
ушли на задний план, за фото
на бесконечный перекур,
за бело-голубое что-то.

*«Мишка косолапый
По лесу идёт...»
А. Усачев*

Льет дождик громко, временами тише –
ему со мною очень повезло –
и я такой, как настоящий Мишка
топчусь, ругаюсь, улыбаюсь зло.

Как будто я соседа из Афгана
лишил ботинка с левою ногой.
Как будто я в подъезде чью-то маму
ударил о перила головой.

Как будто я совсем не я – не русский,
воткнул парнишке между ребер нож,
и отсидев два месяца в кутузке
ушел в толпу под городской гудеж.

О, Господи, как так сложилось, вот ведь
ходил я в садик маленький такой,
не знал стихов и не умел злословить...
что время, Боже, сделало со мной?

Иду в дожде, долдоню на отшибе,
что я не я, и все наоборот:
как косолапый набиваю шишки,
читаю стих, не раскрывая рот.

Агата Рыжова. Поэт, прозаик. Родилась в 1985 году в городе Кемерово. В 2010 была издана первая книга стихов «Мимо всех». С 2014 года - редактор разделов прозы и публицистики журнала «Огни Кузбасса». В 2014 была издана вторая книга стихов «Путеводитель для сталкера». Публикации в журналах «Урал-Транзит» (Челябинск), «После 12» (Кемерово), «Огни Кузбасса» (Кемерово), «Простор» (Казахстан), «Бельские просторы» (Башкирия), в коллективных сборниках.

Агата Рыжова
г. Кемерово

Возраст катастроф (фрагмент)

1.

Я написала свой первый рассказ – и удивилась: откуда взялись все эти слова? Почему я думаю, что они должны располагаться так, а не иначе? Я читаю и читаю текст, ненароком заучивая некоторые фрагменты наизусть. Разве это я написала? Так ведь я же не умею!..

А вокруг, словно стрелки часов, ходят мои одноклассницы А и Б. Когда А слишком настойчиво тянет руку на семинаре, а Б надевает чересчур короткую юбку – я замечаю их тоже. Они высовывают свои головы между строк моего рассказа, и эти головы мало чем отличаются от голов их матерей. Я узнаю в А будущую секретаршу, страдающую от несложившейся личной жизни, а Б, кажется, станет продавщицей. Есть в ней что-то свойское и нахрапистое, а еще она носит платье, похожее на передник. Да ведь совершенно неважно, где они будут работать! Главное, что каждая из них станет мамой и трепетно передаст своему чаду то знание, которое никогда не будет

мне доступно: как же так исхитриться, чтобы стать обыкновенной.

Когда я смотрю на своих однокурсниц, мне кажется, что все «женщины для детей» почему-то учатся на филфаке. Мне с ними скучно, они банальны, как поваренная книга. Они получают хорошие отметки, просиживая для этого все вечера в универовской библиотеке, а на семинарах зачитывают ответы по конспекту. У них нет своих слов. Они молчат и опускают глаза, когда преподаватель просто хочет обсудить какую-нибудь тему. Мне было бы совершенно не с кем поговорить на филфаке – если б не Таня.

Мы познакомились еще на первом курсе. Я заметила ее на лекциях потому, что Таня носит вытертые до белизны старые джинсы, растянутые свитера крупной вязки и тяжелые военные ботинки. На ее шее побрякивают друг о друга не меньше пяти ниток ярких бус, а темные длинные волосы она заплетает в пять косичек. Вот такая Таня.

Мы столкнулись однажды на крыльце второго корпуса после спектакля в нашем студенческом театре. Эта странная девушка попросила у меня сигарету, прикурила, посмотрела задумчиво в сумерки и произнесла:
– Меня зовут Таня, я хиппи.

Сначала мы говорим о книгах, учебе, еще о чем-то. И постепенно, день за днем, становимся друзьями. Даже нет, не так. Становимся лучшими подругами. У меня нет никого роднее Тани.

Она вытаскивает мою персону на разные концерты, знакомит с людьми в военных ботинках, с ирокезами и пирсингом. Но в самый разгар беседы Таня внезапно бросает меня, говоря что-то вроде «ну, вы тут болтайте...», и уходит туда, где ей интересней. Я обижаюсь, но молчу. Зато с Таниной подачи я начинаю общаться и с хиппи, и с металлистами, и с панками, и со скинхедами, понемногу учусь их различать и временами даже напиваюсь в их компании. Не скажу, что я оказываюсь «в своей стае», но с

этими странными людьми интересно поговорить. У них находятся свои слова, своя, пусть и вычурная, правда. Они дерутся между собой, выясняют отношения с гопниками и ментами, они купаются в фонтане и сидят на асфальте, и я смотрю на них так, словно вдруг оказалась в театре, в котором действие разворачивается со всех сторон.

Некоторые неформалы учатся в универе и даже в моем шестом корпусе, где, кроме филологов, занимаются студенты романо-германского факультета и психологи.

Между парами эти странные люди выходят на улицу, курят, болтают, иногда пьют пиво и смотрят вверх голов. Да, они особенные, даже внешне, даже по манере речи. В большой толпе я вижу их первыми, среди гула голосов их слова звучат отчетливее остальных.

С некоторыми я здороваюсь, кого-то знаю по никнеймам, а большинство для меня остается только лицами в толпе. Вот этот рыжий учится на РГФе, а лысый здоровый парень был отчислен несколько месяцев назад. Они проплывают перед моими глазами, как диковинные шипастые рыбы, кажущиеся опасными своей демонстративной смелостью, своей агрессивной инакостью, своим отчаянным безрассудством не быть, как все.

2.

Таня читает мой рассказ первой. Она чересчур бурно и неуместно восторгается текстом, от чего я впадаю в недоумение и решаю про себя, что рассказ необходимо показать кому-нибудь еще. Так что всю следующую неделю после написания я занимаюсь тем, что стараюсь донести текст до «квалифицированного читателя». Благо, он уже есть. В конце первого курса Таня, которая сама пишет стихи, привела меня в литературную студию, существующую при нашем вузе в отдельном помещении. Занятия в студии проходят раз в неделю по средам и собирают около двадцати поэтов, которые сидят за

круглым столом и занимаются тем, что в пух и прах разносят малявок вроде меня. После первого посещения литературного сборища, когда эти злыдни камня на камне не оставили от моего творчества и сердитые слезы подступали к глазам, я пообещала себе не уходить из студии до тех пор, пока каждый из этих «мастеров слова» не признает меня равной. Так я и осталась – из вредности.

И вот я приношу рассказ этим кошмарным людям. Мне и страшно, и неловко, как на приеме у гинеколога, и я все время вожусь на своем стуле, от чего Рагимов – мужчина около шестидесяти лет, подтянутый, всезнающий руководитель студии – удивленно взглядывает на меня поверх очков. А когда я достаю рукопись и кладу на стол перед собой, мне кажется, что все присутствующие тут же осуждающе уставляются на исписанные страницы. Наконец очередь доходит до меня, и я читаю, запинаясь, проглатывая слова и краснея, как помидор на подоконнике.

Закончив, я смотрю вокруг себя. Присутствующие молча глядят в столешницу. Здесь и старшекласники, и мои ровесники, и даже взрослые мужчины. Тишина висит над круглым столом то ли предрассветным туманом, то ли предгрозовой тучей. И я сутулюсь, ожидая, когда же загадочная тишина разродится тем, что она несет в себе. Наконец Рагимов, будто очнувшись, снимает с носа очки, кладет на стол, глядит на ребят, улыбается и говорит:

– Ну что, я вас поздравляю. У нас появился новый прозаик.

И больше не говорит ничего.

Мне это странно. Я хочу, чтоб мне объяснили, что же я сотворила, как это вообще могло получиться. Но никаких объяснений так и не получаю.

У меня еще остается надежда на критику Игоря Кузнецова. Через неделю он уезжает на уральский фестиваль поэзии, и мы с Таней собираемся в ближайшие дни его навестить и проводить, как это полагается у литераторов – с водкой и достойной закусью.

Я знала о существовании Игоря задолго до знакомства с ним – по его стихам. Их публикуют в литературном журнале и коллективных сборниках:

Я взял ее ладошку и согрел
своим теплом, томящимся в неволе.
И от соседства двух горячих тел
невидимые иглы закололи
то место, где кончается рука
и начинается прозрачность серой ткани...

В студию он не приходит – но все знакомы с Игорем, говорят о нем, и он будто незримо присутствует рядом с нами, вроде как Есенин или даже Пушкин. Поэтому, когда я впервые увидела его живьем на литературном фестивале, сердечко у меня трепыхнулось, поднялось поближе к горлу, и показался он мне окруженным золотистым ореолом Высокой Литературы, Большого Таланта и прочих глупостей, которые нужно писать с прописной буквы. Так что первое время я очень смущалась в его присутствии, запинаясь и говорила ерунду. Хотя сам по себе Игорь обычный, среднего роста парень, не лишенный, однако, некоторого пафоса. Невысокому Игорю хочется делать высокие серьезные дела.

Мы приходим к нему домой через пару дней после того занятия в студии. Таня как самая голодная собирает на стол, Игорь близоруко щурится, читая мою рукопись, а я томительно гляжу в окно, за которым постепенно сгущается поздняя осень.

– Ну как? – осторожно спрашиваю, когда он откладывает рукопись на кушетку возле себя.

– Подожди, сейчас выпьем, – машет рукой в направлении стола.

И мы пьем, желая удачной поездки Игорю. По его просьбе я читаю рассказ вслух и краем глаза вижу, что Таня плачет, роняя слезы в тарелку с пельменями. А Игорь

крякает в некоторых местах текста и бормочет «вот-вот». А потом, когда уже «всё смешалось в доме Облонских», и от лиц остаются одни светлые пятна, Игорь рассказывает нам с Таней, какие отличные ребята живут на Урале, и что он нас обязательно свозит туда на следующий год.

– А зачем ждать? – уже поздней ночью объявляет он. – Собирайтесь, поедете со мной!

Литературно-художественное издание
«ОБРАЗ»

Главный редактор: Д.А. Филиппенко
Редколлегия альманаха:
С.В. Уланова
С.В. Логинов
О.А. Шмакович
Компьютерная вёрстка: Д.А. Филиппенко
Корректор: О.А. Шмакович

ББК 023

023 Сборник литературных произведений.–

Ленинск-Кузнецкий:

Литературный альманах «Образ», 2015. 86стр.

023

© Сборник литературных произведений, 2015

© Литературный альманах «Образ», 2015.

Тираж 50 экз. Заказ № 1241.

Отпечатано в ООО «Офсет».

г. Кемерово, 650055, ул. Пролетарская, 9.

Тел. (3842) 34-96-41, тел./факс (3842) 34-90-69.

